

СТИВЕН КИНГ
«ОБЕЗЬЯНКА» (перевод Евгения Жаринова)

В самом отдаленном и заброшенном углу чердака, где свод крыши соединяется с полом, Хал Шелбурн увидел, как его сын Деннис, копаясь в старом хламе из почти рассыпавшейся от времени картонной коробки с надписью «Ралстон Пурина» извлек на свет божий... игрушку. Неожиданно в душе Хала поднялось такое чувство безотчетного страха и отвращения, что оно готово было вырваться наружу в животном душераздирающем вопле. Он только успел зажать рот рукой, чтобы сдержать этот крик и ... закашлялся. Ни Терри, ни Деннис ничего не заметили, и только Петти с любопытством посмотрел на отца.

— Вот это вещь! — с уважением сказал Деннис. Такие уважительные интонации редко появлялись теперь в голосе Денниса, даже когда они обращались к отцу. Да и что можно было ожидать от двенадцатилетнего мальчишки.

— Что это? — спросил Петти. Он вновь посмотрел на отца, прежде чем его взгляд вернулся к той вещи, которую нашел старший брат.

— Что это, папа?

— Это обезьянка, дурила, — оборвал его Деннис. — Что, ни разу обезьян не видел, что ли?

— Не называй своего брата дурилой, — машинально бросила мать и начала осматривать коробку со старыми занавесками. Почти все содержимое коробки было откровенной дрянью. — Тряпье, — фыркнула Терри.

— Папа, можно я возьму это себе? — спросил Петти. Ему было девять лет.

— Что?! — возмутился Деннис.

— Я, я это нашел, понятно!

— Хватит! У меня голова идет кругом, — это был, кажется, голос Терри.

Но Хал уже почти ничего не слышал. Он как будто оказался в другом измерении. Обезьянка, ухмыляясь, глядела на него. Она мирно покоилась на руках его старшего сына и, казалось, время прекратило свое течение. Вот так, ухмыляясь, она и являлась ему в его детских кошмарах до тех пор, пока он...

В этот момент снаружи поднялся сильный ветер, завыл, будто призрачные губы коснулись жерла ржавой водосточной трубы, чтобы возвестить миру о конце света.

Петти прижался к отцу, оглядывая дырявую крышу чердака, сплошь утыканную гвоздями.

— Папа, что это? — спросил он, когда страшный звук сменился обычным завыванием ветра в водосточной трубе.

— Просто ветер, — сказал Хал, замороженно глядя на обезьянку. При слабом свете лампочки цимбалы в ее маленьких лапках казались не круглыми, а принимали форму двух полумесяцев... и только один фут отделял их друг от друга. Хал машинально произнес: «Не бойся, от ветра шуму много, а толку мало». И в этот момент он поймал себя на мысли, что только что произнес любимую фразу дяди Вилли.

С Кристального озера вновь подул ветер, сквозь чердачные щели он проник вовнутрь и коснулся лица Хала. Господи, это место так напомнило ему кладовку в их старом доме в Халотфорде, что казалось, будто он совершил путешествие во времени и сейчас находится на том же самом месте, только все происходит тридцать лет спустя.

— Я не хочу об этом думать, не хочу...

Но уже ничего нельзя было изменить.

— Все, как в прежние времена, когда я нашел ее в старой кладовке. Странно, и коробка оказалась той же самой.

В этом же углу был еще один короб с каким-то хламом, и Терри пошла его осматривать согнувшись в три погибели, чтобы не удариться головой о крышу. Место напоминало бездонный колодец, из которого все черпали и черпали воплощенные в вещи воспоминания.

— Мне не нравится эта обезьянка, — сказал Петти и схватился за руку отца. — Если Денни хочет — пусть возьмет ее. Давай уйдем отсюда, а?

— Боишься призраков, цыпленок? — ввернул Деннис

В этот момент она вытащила из короба вафельницу тонкой работы с изящным китайским рисунком: «Какая маленькая, не правда ли? Я давно...» Но Хал увидел, что Деннис нащупал на спине обезьянки маленький заводной ключик.

— Стой!!!

Это вырвалось само собой и так внезапно, что Хал сам не ожидал такого, он успел вырвать игрушку из рук Денни, еще до того, как осознал, что он сделал. Денни, оцепенев, смотрел на отца. Терри тоже отвлеклась на шум и посмотрела через плечо. Что происходит?.. Петти не сводил глаз с отца. На минуту воцарилась полная тишина, и только ветер продолжал завывать снаружи, но на этот раз тихо, как гость, который понял, что его здесь не ждали.

— Я думал... Я хотел... Ну, в общем, она сломана, — как бы извиняясь, произнес Хал. Сломана, ха! Сломана-то сломана, но когда захочет, то заработает так...

— Ну а чего хватать-то надо было, — буркнул Деннис.

— Заткнись, — крикнул отец.

Обескураженный Деннис никак не мог понять, в чем дело. Отец уже давно так с ним не разговаривал. Во всяком случае с тех самых пор, как он потерял работу в «Нейшнл Аэродин» в штате Калифорния, но они уже два года жили в Техасе, и все было в порядке. Деннис решил спустить все на тормозах, ну хотя бы на время. А там посмотрим, чья возьмет. Он вернулся к истлевшей коробке с надписью «Ралстон Пурина», чтобы посмотреть, нет ли там чего, но там были только какие-то пружины и железки — ничего интересного.

Ветер вновь усилился, и ветхий чердак начал поскрипывать, как будто кто-то ходил совсем рядом, и скрипели половицы.

— Папа, папа, пожалуйста, — почти взмолился Петти.

— Да, да, — откликнулся Хал. — Терри, кончай, уходим.

— Но я еще не все посмотрела.

— Я сказал уходим, ясно?

Теперь уже жена возмутилась резкому тону мужа.

Шелбурны снимали две смежные комнаты в мотеле. К десяти вечера дети, наконец, улеглись в своей комнате. Терри тоже уже спала. Перед сном она приняла как обычно две таблетки снотворного, а совсем недавно, чтобы заснуть, ей приходилось выпивать почти целую упаковку. Это началось как раз с того момента, когда Хал потерял работу в «Нейшнл Аэродин». Последние два года он работал в «Техас Инструментс» — на 4000 меньше в год, но все же это была работа. Он не переставал повторять Терри, что им повезло. И она соглашалась с ним. Им повезло, потому что сейчас полно специалистов по программированию, которым остается лишь строить воздушные замки. Она соглашалась и с этим. Строительная компания Варметта ничем не хуже, чем во Фрезно. Терри молчаливо кивала головой, но в глубине души Хал знал, что все ложь, и Терри знала это.

А плюс ко всему Хал чувствовал, что теряет Денниса, неожиданно ставшего таким чужим. Поезд медленно двигается, и ты готов в последний момент схватиться за поручень... Но ты этого не делаешь. Ты стоишь и смотришь. Прощай, Денни, прощай, сын. Терри обмолвилась, будто от Денни как-то пахло марихуаной: «Ты обязан поговорить с ним, Хал, обязан, слышишь?» Что же делать? Обязан, конечно, но как?

В доме все было тихо. Мальчишки спали, спала и Терри. Хал прошел в ванную комнату, закрыл дверь на замок, сел на крышку унитаза и стал разглядывать игрушку. Ему противно было само прикосновение к ней, ее мягкий коричневый мех уже вылез в некоторых местах. Он ненавидел ее ухмылку. «Эта обезьянка улыбается как ниггер!» — сказал ему как-то дядя Вилли. Но это не имело ничего общего с улыбкой негра, это не имело ничего общего ни с чем человеческим. Эта улыбка была один сплошной оскал, одни сплошные зубы, и если поворачивали ключ механизма, то губы начинали двигаться сами собой, зубы становились все больше и больше, как клыки у вампира, обезьянка гримасничала, как бы издеваясь над вами, — и вот тогда в дело вступали музыкальные тарелочки.

— Дрянь, мерзость, тварь!!!

Он с размаху бросил ее об пол- заводной ключик в спине обезьянки ударился о кафель. Этот звук показался очень громким при полной тишине, царящей в доме. Лежа на полу, обезьянка по-прежнему ухмылялась, и казалось, ее стеклянные ничего не выражающие глаза все смотрят и смотрят на него, а музыкальные тарелочки готовы вот-вот ударить одна о другую, и тогда с этим первым звуком вступит весь дьявольский оркестр.

«Сделано в Гонконге» было отштамповано на ее заднице.

— Тебя не должно здесь быть, — прошептал он, — не должно. Я бросил тебя на дно колодца, когда мне было девять.

Обезьяна лишь тихо улыбалась.

Там, во тьме ночной, бушевала буря, и ветер готов был поднять их мотель в воздух.

* * *

Хал, его брат Билл и жена брата, Колетт, встретились на следующий день в доме дяди Вилли и тети Иды. «Тебе никогда не приходило в голову, что каждая смерть в семье — это довольно мерзкий способ возобновления родственных связей», — с грустной улыбкой спросил Билл. Брата называли так в честь дяди Вилли. «Вилл и Билл — чемпионы родео,» — любил повторять дядя и ласково трепал племянника по голове. Это было одно из его любимых выражений, как и «шума много, а толку мало». Дядя Вилли умер шесть лет тому назад, и тетя Ида жила здесь одна, пока на прошлой неделе внезапно не умерла от удара. «В одночасье», как сказал Билл, когда звонил брату по междугороднему телефону, чтобы сообщить печальную весть. Если бы только знать, если вообще кто-нибудь хоть что-то знал. Тетя Ида умерла одна — в пустом доме

— Да, — согласился Хал. — Эта мысль приходила мне в голову.

Сейчас братья молча смотрели на дом, в котором провели свое детство, в котором выросли. Их отец, служивший в торговом флоте, просто исчез с лица земли, как будто его смыло волной во время шторма. Братья были тогда совсем маленькие. У Билла еще остались какие-то смутные воспоминания об отце, но Хал не помнил его вовсе. Мать умерла, когда Биллу было десять, а Халу восемь. Тетя Ида перевезла их сюда на допотопном автобусе — и с тех пор они росли здесь, отсюда отправились поступать в колледж и разлетелись потом кто куда. Роднее этого места у них не было. Билл остался в штате Мэн и сейчас процветал в своей адвокатской конторе в Портленде.

Краем глаза Хал увидел, что Петти медленно побрел по направлению к кустам ежевики в восточной стороне их огромного сада, где все заросло, как в джунглях. «Не ходи туда!..» — крикнул он.

Петти оглянулся и вопросительно посмотрел на отца. Хал ощутил, что его буквально захлестнуло чувство неожиданной любви к сыну и... он снова подумал об игрушке.

— Почему?

— Там остался где-то заброшенный колодец, — ответил за отца дядя Билл. — Но черт меня побери, если я вспомню где он. Твой папа прав, Петти. Это место хорошо лишь тем, что здесь можно получить пару острых колючек в одно место, правда, Хал?

— Правда, правда, — рассеянно произнес отец Петти. А сам Петти, ни о чем не подозревая, ни разу не обернувшись в сторону отца, побежал в другую сторону, вниз по насыпи к пляжу, покрытому галькой, где его брат Деннис с размаху бросал камень за камнем вдоль водной глади и каждый раз считал, сколько раз галька коснется поверхности воды прежде, чем она упадет на дно.

Хал почувствовал, что что-то ослабло, и на душе у него стало легче.

* * *

Билл, может быть, и забыл, где находится старый колодец, но Хал знал к нему прямую дорогу. После полудня, когда солнце клонилось к закату, он уже с трудом пробирался сквозь густые заросли, и ветви кустарника раздирали его старую фланелевую куртку, готовые выколоть ему глаза. Наконец он остановился. Тяжело дыша, посмотрел на покоробленные, сгнившие доски у своих ног. Тишина. Минуту поколебавшись, Хал резко присел, коленные суставы в этой тишине хрустнули, как два пистолетные выстрела. Хал раздвинул доски... Со дна колодца потянуло сыростью. Лицо утопленника смотрело на Хала снизу: широко раскрытые глаза, гримаса искривила рот. Вопль, который вырвался только легким вздохом, рвал сердце Хала на части.

В мутной воде он увидел свое собственное отражение.

На секунду ему показалось, что на него смотрит обезьяна. Его трясло, трясло как в ознобе.

— Я бросил ее на дно, я бросил ее на дно. Господи! Не дай мне сойти с ума! Я бросил ее на дно, — повторял как заведенный Хал.

Колодец высох в лето, когда умер Джон Маккаб, в год, когда Билл и Хал приехали навсегда к дяде Вилли и тете Иде. Дядя Вилли занял деньги в банке, чтобы вырыть новый колодец, а старый весь порос непроходимыми зарослями ежевики.

Колодец высох.

Только вода в него все-таки вернулась. Как обезьянка.

Сейчас уже нельзя было просто отмахнуться от воспоминаний. Хал сидел беспомощный, давая памяти делать с ним все, что она захочет, пытаясь только не вступить с ней в спор. Надо овладеть ею, как при серфинге, когда огромная волна накатывает на тебя и готова сокрушить, если не удержишься на доске. Дай памяти спокойно пронестись в твоём сознании, и она снова уйдет, уйдет в глубины твоего Я, твоего собственного Я.

* * *

В то незабываемое лето он пробрался сюда вместе с обезьянкой ближе к вечеру.

Ягоды ежевики уже созрели, и их тонкий пьянящий запах чувствовался повсюду. Но здесь их никто и никогда не собирал. Только, бывало, тетя Ида иногда зайдет в кустарник и постоит у самого края, собирая ягоды целыми пригоршнями в подол. А здесь ягоды уже давно переспели, некоторые даже сгнили и превратились в сладкую липучую массу, похожую на гной. В траве трещали кузнечики. Они как с ума сошли, и только и слышно было: ЦЦЦЦЦ.

Шипы впивались в его тело — на щеках и руках выступили капли крови, но он не обращал внимания ни на раны, ни на боль. Он был слеп от ужаса — так слеп, что даже не заметил, как пробежал несколько дюймов по уже сгнившим доскам, прикрывавшим колодец. Еще чуть-чуть и он свалился с высоты в тридцать футов на самое дно колодца, покрытое грязью, но он вовремя расставил руки в стороны, чтобы удержать равновесие, и тернии с соседних кустов с еще большей силой впелись в его и без того израненные ладони. Именно воспоминание о той самой физической боли и заставило сегодня Хала так резко прогнать Петти от зарослей кустарника.

Это было в тот день, когда умер Джон Маккаб, когда умер его лучший друг детства.

Джон медленно поднимался по приставной лестнице к своему «наблюдательному пункту». Он устроил его среди ветвей большого развесистого дерева. Столько счастливых часов они провели здесь вместе с Халом! Играли в пиратов. Призрачные галеоны, подобные «Летучему Голландцу», появлялись на соседнем озере, которое так хорошо было видно отсюда. В их воображении разыгрывались настоящие морские баталии. Звучали команды: «На бордаж! Орудия к бою! Убрать блинд, убрать фокзейль, поднять бизань!» (господи, знать бы еще, что хоть это такое?)

Итак, в тот день Джонни Маккаб, как обычно, поднимался по приставной лестнице на свой «наблюдательный пункт», он уже проделывал этот путь в страну, где он воображал себя капитаном Флинтсом, тысячу раз, как вдруг у самого лаза, ведущего в заколдованный мир фантазии, в руках его на две половины разломилась последняя рейка лестницы.

И Джонни Маккаб полетел!!! Полетел с высоты тридцати футов... и упал на землю. И его не стало.

Когда резко зазвонил телефон, первой к нему подбежала тетя Ида. Она схватила трубку и долго стояла так, слушая кого-то. В этот момент Хал был на веранде и смотрел на все происходящее со стороны, как во сне, и страшное предчувствие уже родилось в нем. А потом тетя Ида открыла рот, и из уст ее вырвалось только одно тихое «О». Это подружка тети Иды, тетя Милли, сообщила печальную весть о смерти Джонни. А потом тетя Ида сказала: «Хал, иди в дом. Плохие вести, мальчик, плохие...»

И тогда Хал все понял: «Обезьянка! Это она!!! Она все сделала!! Ну, что ты теперь выкинешь, тварь?!!»

В то день, почти тридцать лет назад, когда Хал бросил обезьянку в колодец, он не увидел своего отражения в мутной воде. Тогда он долго смотрел на игрушку. Она спокойно лежала на колючей траве. Тарелочки, казалось, были наготове, чтобы вот-вот звякнуть. Оскал огромных зубов, широко растянутые губы, шерстка, вытершаяся до залысин — чесоточные, паршивые пятна здесь и там, стеклянные глаза.

«Я ненавижу тебя,» — прошипел он. Хал обхватил все ее омерзительное тельце одной рукой. Пальцы ощутили морщинистое шерстяное покрытие, похожее на детскую пеленку.

Обезьянка улыбалась, когда он поднес ее к лицу. «Ну!» — крикнул он и не сдержался. Первый раз за все время после того, как он узнал о смерти Джонни, Хал дал волю слезам. Он плакал и тряс игрушку. Цимбалы чуть-чуть позвякивали. Это и была траурная музыка. Хал оплакивал своего друга. «Ты, ты убиваешь все вокруг! Давай! Ударь еще раз в свои тарелки! Ударь посильнее!»

Обезьянка только улыбалась.

— Ударь! — это уже была истерика.

— Говнюшка! Ударь в них! Я заклинаю, Заклинаю тебя!!

Коричнево-желтые глаза, огромные в радостном оскале зубы — и больше ничего.

Тогда он бросил игрушку вниз, сходя с ума от горя и ужаса. Он видел, как обезьянка перевернулась в воздухе, как акробат в цирке, и солнце в последний раз отразилось в ее медных тарелочках. Обезьянка шлепнулась на нос с глухим звуком. От толчка, видно, заработал механизм. И неожиданно тарелочки заиграли. Их настойчивый, неторопливый медный звон достиг его слуха, создавая странный резонанс в каменном жерле колодца: ца-ца-ца-ца.

Хал, даже тридцать лет спустя, увидел эту сцену как в яви. На секунду ему показалось, что события далекого прошлого предстали перед ним. Он отчетливо вспомнил эти обезьяньи глаза, смотрящие со дна колодца (как погребальная маска, слепок этого выражения был навечно запечатлен здесь, в грязи, на самом дне высохшего колодца).

Растянутые до предела губы, оскал и тарелочки — милая заводская игрушка.

Ца-ца-ца — кто помер? Кто помер? Кто помер? Ца-ца-ца. Джонни Маккаб помер. Вот он теперь в голубом просторе неба, с еще зажатыми в обеих руках обломками рейки. Вот он делает свой смертельный трюк, сальто-мортале. Видишь, Хал, глаза его широко раскрыты, ему страшно... А сейчас он ударится о землю — раздастся хруст. Это кости ломаются, Хал. Сейчас кровь из носа брызнет. Потом — изо рта, и Джонни так и останется лежать с широко раскрытыми глазами. Вот он — твой друг, Хал. А может быть, это ты сам?!

Застонав, Хал закрыл досками колодец. Все его руки были в занозах, но он не чувствовал боли. Звяканье тарелочек даже через наглухо сдвинутые доски доносилось до него, как в кошмарном сне. Она была внизу, во тьме, среди холодных камней. Казалось, что она все с новой и новой силой бьет в свои цимбалы и при этом ее трясет, как в конвульсии.

Ца-ца-ца-ца! Ну, а сейчас кто помер?

Ему пришлось прорубать дорогу домой сквозь заросли ежевики. Тернии оставляли новые кровавые следы на его и без того израненном лице. Лопухи опутывали ноги. Однажды он даже упал в полный рост. А в ушах по-прежнему звучало: ца-ца-ца-ца, — как будто обезьянка преследовала его.

Позднее дядя Билли нашел его. Он сидел на старой крыше в углу гаража и плакал. Дядя Билли подумал, что Хал все оплакивает своего друга. Да так оно и было, но это были не только слезы печали и отчаяния. Душой Хала все еще владел недавний страх, который он с такой силой испытывал в зарослях ежевики.

Хал бросил обезьянку на дно колодца днем, ближе к вечеру, а когда наступили сумерки и испарения как легкая дымка поднялись над землей, окутывая все вокруг белым саваном, именно в это время невесть откуда взявшийся автомобиль на большой скорости переехал любимую кошку тети Иды. Кишки валялись повсюду. При виде этого Билла начало выворачивать наизнанку, а Хал только побледнел как смерть и отвернулся. Тетя Ида билась в истерике (по поводу смерти Маккаба она только всплакнула маленько — и все, а сейчас дяде понадобилось два часа, чтобы привести тетю в порядок).

Хал весь был погружен в себя. Истеричные вопли тети Иды доносились до него так глухо, как будто это все происходило за несколько миль отсюда. В сердце своем он испытывал холодную, ликующую радость. «Пронесло! Пронесло! — кричало в нем все существо его. — Кошка, кошка попалась... Я жив, жив!! И брат, и дядя живы! Чемпионы родео!!!» А обезьяны теперь нет. Она там — на дне. И кошка, ей-богу, не такая уж большая плата за совершенное. Если этой твари вздумается еще раз поиграть на своих тарелочках — на здоровье. Ее слушателями будут теперь только клопы, жуки и прочие твари. Она сгниет там — на дне. Ее вонючие шестеренки, колесики, пружинки, болтики, винтики — все заржавеет и развалится. Она умрет там в нечистотах и во тьме кромешной. А пауки в конце концов сплетут ей прекрасный саван.

Но... Она вернулась из тлена.

Медленно Хал снова закрыл колодец досками, как это он уже сделал однажды, тридцать лет тому назад. В ушах его все звучало эхо: «Ца-ца-ца-ца — кто помер, Хал?

Кто помер? Терри? Деннис? Или Петти? Ведь он твой любимчик, Хал, не правда ли? Может быть, настала его очередь? Ца-ца-ца-ца...»

* * *

— Брось ЕЕ!

Петти вздрогнул, и обезьянка выпала у него из рук. Хал вдруг представил, что вот сейчас от неожиданного удара сработает механизм и тарелочки опять начнут биться друг о друга и звякать.

— Ты напугал меня, пап.

— Прости. Я просто... Я не хочу, чтобы ты играл с ЭТИМ.

Пока Хал был у колодца, все отправились в кино. Халу казалось, что его путешествие займет немного времени, и он сможет очень скоро вернуться и увести своих засветло. Но семья задержалась в родном гнезде гораздо дольше, чем предполагала. Виной тому — старые ненавистные воспоминания. Они протекали в другой временной зоне, и имя ей — Вечность. Только поздно вечером Шелбурны вернулись в мотель, где они остановились на все время похорон.

Сейчас Терри и Деннис сидели рядом. Терри рассматривала какой-то журнал, но по выражению ее лица было видно, что уже начали потихоньку действовать таблетки снотворного. Петти сидел на ковре, скрестив ноги. В руках у него была обезьянка.

Она все равно не работает, — сказал, как бы оправдываясь, Петти. «Поэтому Деннис и отдал ее,» — подумал Хал, и ему стало стыдно за свою собственную выходку. Он почувствовал, что в нем все нарастает и нарастает какая-то враждебность по отношению к Деннису и что он просто бессилён совладать с нею.

— Тем более. Раз она старая, то я пойду сейчас и выброшу ее. Дай мне обезьянку.

Он протянул руку за игрушкой, и Петти неохотно отдал ее отцу.

— Мам, а папаша-то у нас шизиком стал, — неосторожно буркнул матери Деннис

Хал уже был на другом конце комнаты, прежде чем он осознал, что делает. Обезьянка так и осталась у него в руке и, казалось, она ухмылялась и искушала его. Он буквально вышвырнул Денниса из кресла, схватив его за ворот рубахи. Раздался треск. Деннис с вызовом смотрел на отца. Журнал выпал у него из рук.

— Эй!

— Пошли со мной, — мрачно произнес Хал и подтолкнул своего сына к двери в смежную комнату.

— Хал! — Терри почти уже кричала. Петти испуганно смотрел на отца. Хал еще раз толкнул Денниса.

Он одним ударом захлопнул за собой дверь, а затем с размаху ударил Денниса об нее. Деннис начал по-настоящему труситься.

— Тебе преподать урок хорошего тона?

— Пусти! Ты порвал рубаху. Ты...

Хал еще раз ударил Денниса об дверь

— Да. Тебя действительно надо кой-чему поучить. Это в школе тебя научили так разговаривать с отцом или в курилке в туалете?

— Я никогда не пойду в эту сраную школу, если ты не оставишь меня в покое, выпалил он от бессилия.

Хал снова ударил Денниса о дверь

— Нет, все-таки урок тебе необходим. Ты хочешь быть взрослым? Так добро пожаловать в этот мир! Задница у тебя прикрыта, носить есть что, ты жрешь до отвала. Теде уже двенадцать. Ты хочешь зарабатывать это все сам? Пожалуйста, я не против, но я не желаю, чтобы ты обращался со мной как... — Он отчетливо каждую фразу, подтягивая Денниса все ближе и ближе к себе до тех пор, пока они не очутились почти нос к носу, а потом снова ударил его о дверь. Деннис не на шутку испугался — отец не бил его с тех пор, как они переехали в Техас. От отчаяния и злобы Деннис начал плакать навзрыд, как совсем маленький ребенок.

— Ну, давай, давай, избежь меня! — кричал он. его лицо исказилось, стало бледным.

— Давай! Избежь меня, если хочешь. Ты, ты ненавидишь меня!

— Хал стоял, обескураженный таким неожиданным ответом сына.

— Я, я... люблю тебя, Деннис. Но я твой отец, и ты должен хотя бы чуть-чуть уважать меня, пойми...

Деннис опять попытался вырваться из рук отца. Хал притянул Денниса к себе и крепко обнял его. Деннис сначала сопротивлялся, а потом, обессиленный, прильнул лицом к отцовской груди и заплакал.

Терри начала барабанить в дверь изо всех сил.

— Прекрати, прекрати, Хал! Ты убьешь его, — кричала она.

— Да не убью, не убью я его. Оставь нас в покое. Мы в порядке.

— Все в порядке, мам, — крикнул сквозь слезы Деннис, прижавшись еще крепче к груди Хала.

Хал почувствовал, что Терри никак не может успокоиться, но она все-таки отошла от двери. Отец снова взглянул на сына.

— Прости, — через силу буркнул Деннис.

— О`кей. Примем это в качестве извинений, ладно? Я подожду еще два-три дня, а потом обыщу все твои ящики. Если там что-нибудь есть, лучше убери, чтобы я этого не видел. Договорились?

Деннис потупил взор, и видно было, что ему есть что спрятать от отца. Он вытер губы тыльной стороной руки.

— Я могу идти? — и Халу показалось, что в его тоне вновь проскользнула ирония.

— Иди.

А внутренний голос как бы шептал Халу: «Пойди с ним на рыбалку. Помнишь, как это было у вас с дядей Вилли? Пойди. Попробуй, сойдись с ним.»

Он сел на кровать в опустевшей комнате и посмотрел на обезьянку. «Ты никогда не вернешь себе сына, Хал, — казалось говорила она. — Имей в виду, я снова вступила в игру, и ты сам знал, что рано или поздно это должно произойти.»

* * *

Этой ночью Хал стоял в ванной комнате и чистил зубы. Воспоминания опять нахлынули на него. Как могло случиться, что она вновь оказалась в той же самой коробке?

Зубная щетка пошла вверх и поранили десну. Он сморщился от неожиданной боли.

Ему было тогда четыре, Биллу — шесть, когда впервые он увидел обезьянку. Их исчезнувший папаша купил дом в Хартворде перед тем, как ему суждено было пропасть в пучине морской или где-то там еще. Мать работала секретаршей на заводе, где делали вертолеты. Приходилось каждый раз нанимать сиделок. Билл уже, правда, пошел к тому времени в первый класс, и сиделкам приходилось присматривать только за Халом. Ни одна из нянек не задерживалась особенно долго на этой должности. Они либо становились беременными и выскакивали замуж за своих дружков, либо подыскивали работу посolidнее. Или того хуже: миссис Шелбурн вдруг обнаруживала, что в бутылочке бренди, которую она держала для всяких там okazji, уже кто-то притрагивался. Но Хал-то больше всего не любил сиделок, которые только и думали о том, чтобы поесть и поспать. Они даже не читали ему интересных книжек, как это делала ему мама.

В ту памятную зиму сиделкой в доме Шелбурнов нанялась огромная, как сама мать-земля, негритянка. Ее звали Бэла. Бывало, приласкает Хала так, что, кажется, добрей няньки не сыщешь, а потом куда-нибудь как ущипнет... И все-таки Халу нравилась Бэла. Она читала ему выдержки из сенсационных сообщений, а также отрывки из детективных рассказов, где были такие замечательные фразы: «Смерть подкралась к рыжему распутнику незаметно...» Голос Бэлы в эти минуты звучал зловеще в убаюкивающей тишине гостиной. Хал замороженно рассматривал картинки, а Бэла тем временем уплетала одну банку сливок за другой, и чем страшнее была история, тем больше был аппетит у Бэлы.

Как знать, если бы ему Бэла не нравилась больше, чем все другие сиделки, может быть, и пронесло бы и не случилось бы того, что случилось?.

Хал нашел обезьянку в холодный сумрачный мартовский день. Дождь лил в окна, и Бэла мирно спала на диване. Очередной детектив покоился на ее достойных восхищения грудях.

Хал пробрался в кладовку. Там были вещи отца. Маленькая дверь, похожая на кроличью нору, вела в это таинственное место: стены, сплошь уставленные полками. Зимой здесь было очень холодно, а летом нестерпимо душно и жарко. Но братьям нравилось здесь бывать. Длинная узкая комната и какая-то давящая на душу обстановка. Но зато здесь было столько всякой всячины, что и представить трудно. И

сколько бы раз ты не рылся здесь — всегда найдешь что-нибудь новенькое. Братья проводили здесь целые субботние вечера, просто болтая друг с другом. Они вытаскивали вещи из коробок, рассматривали их, подолгу держали в руках, чтобы на ощупь попробовать — какие они, из чего сделаны? И клали их на прежнее место.

Сейчас, с высоты своего возраста, Хал мог объяснить все это тем, что им просто не хватало отца. Трогая его вещи, они как бы общались с ним.

Отец служил в торговом флоте, обошел почти весь мир — и здесь валялись целые пачки навигационных карт, некоторые из них были отмечены красными таинственными кружками. Здесь также пылилось двадцать томов научных трудов по той же навигации. Старый бинокль! Если подолгу смотреть в него, то выступал пот у переносицы. Сувениров здесь было со всего света! Резиновые куклолки с Гавайских островов, кружка из твердого картона «Эх, девочку бы», стеклянный шар, в который была вставлена миниатюрная Эйфелева башня. Повсюду валялись конверты с иностранными марками и адресами, написанными на всех языках мира.

В тот день, когда падали капли дождя, не переставая, стучали по крыше и от этого нестерпимо хотелось спать, Хал, как под влиянием гипноза, пробрался в самый отдаленный угол кладовки, выдвинул какую-то коробку и неожиданно увидел за ней другую. Как будто ее специально спрятали туда — подальше от глаз людских. На этой коробке красовалась надпись «Ралстон — Пурина». Из коробки на Хала смотрели два стеклянных глаза. Этот взгляд испугал его. Он отшатнулся. Ему показалось, что это труп... Несколько минут спустя он наклонился вперед, увидел, что это просто игрушка, и осторожно достал ее из коробки. В полумраке кладовки обезьянка улыбнулась ему своей зубастой улыбкой, в лапках у нее были крепко зажаты музыкальные тарелочки.

Восхищенный, Хал повертел игрушку в руках, ощущая морщинистое, похожее на пеленку, меховое покрытие. Сейчас, стоя в ванной комнате перед зеркалом, Хал вспоминал, было ли еще что-нибудь в его первых ощущениях. Пожалуй, какое-то инстинктивное чувство опасности, но оно так быстро промелькнуло в нем, что он не успел даже до конца осознать его. Сейчас уже трудно сказать, что было, а чего не было. Ведь на лице у Петти тоже мелькнуло выражение испуга, когда он увидел ее там, на чердаке?

Ключик... Да-да, ключик. Вот что еще он обнаружил сразу. В спине у обезьянки торчал маленький ключик. Он осторожно повернул его и удивился, как легко этот ключ провернулся. Но и сломанная, она по-прежнему привлекала его к себе.

Он взял обезьянку с собой.

— Притащил что-то? — потягиваясь, спросила Бэла.

— Ага, смотри, в кладовке нашел.

Хал поставил ее на полку в спальне. Ухмыляясь, обезьянка возвышалась над его детскими книжками, ее стеклянные глаза были обращены в пространство, лапки крепко сжимали тарелочки. Казалось, что она наконец-то обрела свое место.

Ночью Хал проснулся от беспокойного сна. Он побежал в туалет, помочиться. Билл мирно посапывал в другом углу комнаты.

Совершенно сонный Хал вернулся в комнату... и вдруг обезьянка начала яростно бить в свои тарелочки в полной темноте.

— Ца-ца-ца-ца...

Сон как рукой сняло, как будто лицо накрыли влажным полотенцем. Сердце яростно забило, комок подступил к горлу... Широко раскрытыми глазами с трясущимися губами он уставился на обезьянку.

— Ца-ца-ца-ца...

ЕЕ тельце тряслось в конвульсиях на верхней полке.

— Хватит, — прошептал еле дыша Хал.

Его брат как ни в чем не бывало перевернулся на другой бок и захрапел. Обезьянка все била и била в свои тарелочки, и рано или поздно этот звук должен был разбудить брата и мать — все живое вокруг.

— Ца-ца-ца-ца...

Хал потянулся к ней, желая хоть как-то остановить ЕЕ. Он хотел уже было подставить руку между тарелочками, как вдруг, ударив еще раз, обезьянка сама остановилась. Тарелочки медленно возвратились в свое прежнее положение. Грязно-желтые зубы застыли в зверином оскале.

В доме снова стало тихо. Слышно было лишь, как мать в соседней комнате перевернулась с боку на бок, а Билл так и продолжал мирно похрапывать. Хал забрался к себе в постель, укрылся с головой одеялом. Сердце готово было выскочить из груди: «Я ЕЕ завтра же положу на прежнее место. Я не хочу, не хочу, не хочу ЕЕ...»

Но утром он совершенно забыл о своих ночных страхах и о желании избавиться от обезьянки, мама осталась дома. Она почему-то не пошла в этот день на работу.

Бэла умерла...

Мать в точности не рассказала им, что же все-таки произошло. «Это была простая случайность, трагическая случайность,» — вот все, что она могла сказать. Но днем, по дороге из школы, Билл купил газету, вырвал из нее четвертую страницу криминальной хроники, спрятал под рубашку и притащил домой. Жадно читая про себя, Билл буквально впился глазами в сообщение. Мать в это время готовила на кухне ужин. Халу был виден только заголовок статьи: «Двое убитых в одной комнате».

Бэла Маккафри, 19 лет, и Салли Тремонт, 20 лет, были застрелены любовником мисс Маккафри, Леонардом Вайтом, 25 лет, из-за ссоры по поводу того, кто должен спуститься вниз и заказать ужин в китайском ресторанчике. Мисс Тремонт скончалась в госпитале, Бэла Маккафри умерла сразу же на месте преступления.

Похоже, что Бэла просто перешла из разряда живущих в другое состояние и стала одной из героинь тех бесконечных детективных романов, которыми она так зачитывалась.

Но в этой истории было одно очень странное обстоятельство. Время, когда прозвучали выстрелы, и время, когда обезьянке вздумалось поиграть на своих тарелочках, совпадало.

* * *

— Хал, — прервал его воспоминания голос Терри. — Ты наконец пойдешь спать или нет?

Он сплюнул остатки зубной пасты в раковину и крикнул в ответ: «Иду». Но по дороге в спальню он спрятал обезьянку в своем дипломате с шифрованным замком. Через два-три дня они должны вернуться в Техас, а до этого надо избавиться от НЕЕ. Но как?

— Ты был сегодня очень груб с Денни, — начала Терри, когда они лежали в полной темноте.

— Иначе я не мог. Кто-то с ним должен быть грубым. А то он совсем отобьется от рук

— Психологи говорят, что телесные наказания — это не очень продуктивный способ.

— Я не бил его, Терри, ради бога, прекрати этот разговор.

— ... чтобы заслужить авторитет у ребенка, — не унималась жена.

— О, мне еще твоих лекций не хватало, — зло отрезал Хал.

— Я вижу, тебе не очень-то хочется обсудить эту проблему? — в голосе Терри прозвучали холодные нотки.

— Я просто сказал ему, что в своем доме я не потерплю никаких наркотиков. Вот и все.

— Ты так и сказал? — с надеждой спросила жена. — А что он? Как он воспринял это?

— Терри, ну что он мог сказать?

— Что с тобой происходит, Хал? Ты очень изменился. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — а сам он в этот момент думал об обезьянке, надежно запертой в его дипломате с секретным замком. Интересно, если ей вздумается поиграть на своих тарелочках, будет ли отсюда слышно или нет. Конечно же, будет. Ведь это прозвучит как тема рока в какой-нибудь симфонии. Судьба позовет кого-то с собой, как это уже было с Бэлой, с Джонни Маккабом, с любимым псом дяди Вилли. Ца-ца-ца-ца. ... А может быть, настанет твоя очередь, Хал?

— Ничего особенного, Терри, я просто не в своей тарелке.

— Не нравится мне все это.

— Не нравится?! — и вдруг следующая фраза вырвалась как бы сама собой. — Ну тогда прими еще одну таблетку снотворного, и все снова будет в порядке.

В следующий момент Хал услышал учащенное дыхание жены, а потом тихий плач. Он должен был бы успокоить ее, приласкать, но покоя не было в нем самом. Будет лучше для всех, если эта чертова обезьяна навсегда исчезнет из его жизни. Навсегда. Господи! Сделай так, чтоб ее больше не было...

Он долго не мог заснуть в эту ночь. Но с наступлением рассвета Хал уже точно знал, что ему нужно делать.

* * *

На второй раз обезьянку нашел его брат Билл.

Это было приблизительно полтора года спустя после смерти Бэлы. Стояло жаркое лето. Хал только что вернулся из детского сада.

Как только он появился на пороге, мама сказала: «Мойте руки, синьор, вы грязны как поросенок». Она в этот момент сидела на веранде, пила чай со льдом и читала книгу. Мама ушла в отпуск, и впереди было две недели отдыха.

Хал опустил руки под кран с холодной водой. На ручке крана остались грязные пятна.

— А где Билл?

— Наверху. Передай ему, чтобы он немедленно убрался у себя.

Хал, которому нравилось по поручению матери передавать Биллу всякие гадости, быстро сорвался и побежал наверх.

Билл сидел на полу. Дверь в кладовку была распахнута настежь. В руках у брата была обезьянка.

— Она сломана, — выпалил Хал.

На секунду ему показалось, что он вновь возвращается из ванной комнаты, как это и было в ту ночь, и обезьянка неожиданно начинает играть на своих тарелочках. Неделю спустя после смерти Бэлы у Хала вновь появились кошмары. Ему снились то обезьянка, то Бэла, но в точности он не мог вспомнить, что... Он проснулся от собственного крика, на секунду ему показалось, что мягкое пушистое тело обезьянки покоится на его груди, что сейчас он откроет глаза и увидит ее звериный оскал. На самом деле он просто обеими руками сжимал собственную подушку. Мать была уже у его постели. Она начала успокаивать его, дала попить водички, и вложила в рот похожую на кусочек мела таблетку детского аспирина. Мама думала, что его мучают кошмары из-за неожиданной смерти Бэлы. Но это не совсем так.

Воспоминания пронесли перед его внутренним взором, и, может быть, поэтому, видя ее сейчас в руках брата, он не на шутку испугался. Особенно его пугали музыкальные тарелочки.

— Сам знаю, — сказал Билл и отбросил обезьянку в сторону, — Глупая вещь.

И обезьянка шлепнулась прямо на постель Билла. Она лежала, уставившись в потолок своими ничего не выражающими глазами, крепко сжимая в лапках тарелочки. Халу даже не хотелось смотреть на нее.

— Ну что, спустимся и попьем пепси-колы, — предложил брат.

— Я уже растратил всю мелочь. Потом мама сказала, что тебе следует прибраться здесь.

— Это можно сделать и позднее. Я могу одолжить тебе монету, если хочешь.

Билла, конечно, нельзя было назвать слишком заботливым братом. Как-то он не разрешил поджечь ему канат из настоящего джута. Иногда пинал его, давал затрещины, но, в общем-то, он был ничего.

— Ладно, — согласился Хал, — только я сначала заброшу эту обезьянку назад, в кладовку, хорошо?

— Успеем, — сказал Билл, вставая, — Пошли.

И Хал подчинился. У Билла был переменчивый характер: замешкайся Хал, и пепси-колы ему уже не видать.

Напившись вволю пепси, они пошли на спортивную площадку, где ребята уже вовсю играли в бейсбол. Хал пристроился в теньке в самом дальнем углу площадки и с интересом наблюдал, как играют старшие. Домой они вернулись, когда уже совсем стемнело. И мама отчитала Хала за то, что он вытер грязные руки о чистое полотенце, а Билла за то, что он так и не прибрался. А после ужина они смотрели телевизор, и за все это время Хал так и не вспомнил об обезьянке. Он совсем забыл о ней. А она тем временем каким-то образом очутилась на полке Билла рядом с фотографией знаменитого бейсболиста. Там она простояла почти два года.

Когда Халу исполнилось семь, то приглашать сиделок было уже не с руки. Миссис Шелбурн обходилась теперь только коротко брошенной фразой: «Билл, присмотри за братом». И преспокойно шла на работу.

В этот день, однако, Билл должен был задержаться в школе, и Хал вернулся домой из детского сада один. По дороге он останавливался у каждого перекрестка, подолгу дожидаясь зеленого света — так его учили. Для полной уверенности он переходил улицу лишь тогда, когда на горизонте вообще не было ни одной машины. Втягивая голову в плечи, он быстро перебежал улицу. В этот момент он чувствовал себя преступником, осквернителем праха, который вступает в запретную для людей зону.

Достав из-под коврика ключ, он открыл дверь и тут же кинулся к холодильнику, чтобы выпить стакан холодного молока. Бутылка, покрытая испариной, выскользнула у него из рук и разбилась вдребезги — осколки оказались повсюду.

— Ца-ца-ца-ца- раздалось сверху из комнаты.

— Ца-ца-ца-ца- Привет, Хал! Добро пожаловать! Может быть, я по тебе справляю панихиду? Все придут — а ты мертв.

Он застыл на месте, тупо уставившись на осколки разбитого стекла. Молоко залило весь пол. Страх охватил его душу. Он не мог понять. Почему ему вдруг стало так страшно, но безотчетный страх этот просто сидел в нем и сейчас вместе с потом выходил из каждой его поры.

Наконец, Хал пришел в себя и кинулся наверх в комнату. Обезьянка стояла на полке Билла, и, казалось, так и уставилась на него. Фотография со знаменитым бейсболистом лежала лицом вниз на постели Билла. Видно, обезьянка опрокинула ее, когда начала бить в свои тарелочки. ОНА и сейчас все ухмылялась, и все была и была в свои цимбалы. Хал осторожно приблизился к ней. Казалось, что делает он все против своей воли, как будто кто-то подталкивает его в спину. А тарелочки так и мелькали перед глазами и, казалось, это будет длиться до бесконечности. Когда он приблизился к обезьянке совсем близко, он даже услышал, как работает ее механизм.

Крик вырвался из его груди, и Хал с силой смахнул ЕЕ с полки. Так убивают клопа или другое мерзкое насекомое, неожиданно укусившее вас. Обезьянка упала на подушку Билла — скатилась на пол, но продолжала бить в свои ненавистные тарелочки. Губы то сжимались, то растягивались в ухмылке. Так ОНА лежала на полу, освещенная яркими лучами апрельского солнца.

Хал со всей силой пнул ее ногой, продолжая все это время кричать, и, даже не слыша при этом своего голоса. Обезьянка покатила через всю комнату, ударила о противоположную стену и замерла... Хал стоял и смотрел на нее, сжав кулаки, сердцу готово было выскочить из груди. Обезьянка по-прежнему ухмылялась, и луч солнца отражался в ее стеклянном зрачке.

«Ну, давай! Пинай, пинай меня, если тебе это так нравится, — казалось, говорила она ему, — Я ведь ничто. Только колесики и винтики, и чуть-чуть теплой шерстки — вот и все. Пинай, пинай меня. Я ведь мираж, просто механическая игрушка. А кто все-таки помер? А? Кажется, был взрыв на заводе, где работает твоя мама? Видишь, столб пламени поднимается в воздух. Твоей маме, наверное, оторвало голову! Ах! Какой красивой она была! Но, посмотрим, что творится на углу Брук-стрит. Ух, как мчится этот автомобиль! Водитель пьяный — это видно. Подумаешь, одним Биллом больше, одним — меньше. Ты слышишь, слышишь, как трещит его череп под колесами, а мозги? — они сейчас потекут из ушей... Но только не спрашивай, не спрашивай меня ни о чем. Я сама ничего не знаю. Да и не могу знать. Все, что я умею — это бить в тарелочки. Ца-ца-ца-ца- Кто еще помер, Хал? Мама, брат? А, может быть, настала твоя очередь?».

Он кинулся опять к ней, желая разбить эту дьявольскую игрушку. Он готов был прыгнуть на нее и прыгать так до тех пор, пока ее стеклянные глаза не покатаются по полу, пока из нее не посыпятся ее чертовы пружины. Но, как только он подбежал к ней, ее тарелочки ударились друг о друга еще раз, а затем медленно вернулись в прежнее положение, как будто пружина в последний раз распрямилась внутри самой обезьянки... и он почувствовал, как внутри его самого как будто растаял кусочек льда, и он вновь остался один на один со своим необъяснимым страхом.

Видно, обезьянке самой нравилась ее выходка, ее ухмылка.

Он поднял ее, попытался выкрутить ей лапку, крепко сжав ее большим и указательным пальцами. И его вдруг охватило неопишное отвращение, в руках у него уже была не игрушка, а труп, труп пигмея. И шкурка была еще теплой. Он открыл дверь в кладовку и зажег свет. Обезьянка по-прежнему улыбалась ему, когда он пробирался среди коробок, среди старых коробок, наваленных одна на другую, среди

томов старых книг по навигации, среди старых альбомов для фотографий с их запахом химикатов и среди сувениров и старого тряпья, и Хал думал в этот момент: «Если она опять ударит в свои тарелочки и зашевелится у меня в руке — я закричу, а, если я закричу, то она захохочет и будет смеяться надо мной и тогда я сойду с ума, и они найдут меня здесь, перекатывающегося с боку на бок и хохочущего во все горло. Я просто сойду с ума. О Господи, Господи, дай мне силы».

Наконец, он достиг самого отдаленного угла кладовки, прополз между коробками, опрокинув одну из них, и запихнул обезьянку назад, в коробку с надписью «Ралстон Пурина». Она спокойно поместилась там, как в гробу, как будто обрела самое подходящее для себя обиталище. По-прежнему крепко зажав тарелочки в своих лапках, обезьянка, как бы подшучивая над Халом, улыбалась ему своей зловещей улыбкой.

Хал начал медленно пробираться назад. Его бросало то в холод, то в жар. Он каждую минуту ожидал, что тарелочки вот-вот заиграют, обезьянка выскочит из своего гробика и поползет за ним вслед, и тогда...

Но к счастью ничего такого не произошло. Добравшись до выхода, он выключил свет, с размаху захлопнул за собой дверь и привалился к ней всем телом, тяжело дыша. Наконец ему стало немного легче. Он опустил вниз. Ноги не слушались. Они были как ватные. Хал взял пустую сумку и стал осторожно собирать осколки от разбитой бутылки. Ему казалось, что вот сейчас он должен как-нибудь страшно порезаться и умереть от потери крови, ведь она для кого-то играла эта тварь похоронный марш? Но ничего такого не случилось. Он взял полотенце и вытер молоко с пола, потом сел и стал ожидать возвращения своих близких.

Первой пришла мать и сразу же, с порога: «Где Билл?»

Тихим голосом, предчувствуя беду, он начал объяснять, что Билл задержался в школе, что у них сегодня тренировка. А в душе все кричало: «Билл мертв! Это его очередь!» Если даже он и задержался на тренировке, то вернуться домой он должен был уже полтора часа назад.

Мать настороженно смотрела на него. Она готова была уже спросить: «Что случилось?» — как дверь распахнулась настежь и на пороге показался Билл. Он вошел в дом. Но это уже был не Билл. Нет. Это, скорее, был его призрак. Он прошел между ними к противоположной стене, так и не взглянув на них.

— Что случилось? Билл, что с тобой?

И неожиданно для всех Билл начал плакать и сквозь слезы он рассказал им все. «Это была машина», — начал он.

Все дело обстояло таким образом, что он, Билл Шелбурн, и его друг, Чарли Сильверманн, возвращались домой после тренировки. Вдруг из-за поворота Брук-стрит выскочил автомобиль. Автомобиль появился так неожиданно, что Чарли не успел даже отреагировать и застыл на месте. Билл пытался стащить Чарли за руку с этого проклятого места, но рука Билла в самый последний момент соскользнула, и машина...

Хал видел, как брат опять разразился истерическим плачем, и мама бросилась к нему, схватила его, стала успокаивать. Хал обернулся и посмотрел на веранду. Там уже стояли два полицейских. Патрульный автомобиль, на котором и доставили Билла домой, стоял на углу улицы. И неожиданно для самого себя Хал тоже начал плакать..., но слезы его были слезами облегчения.

Теперь уже Билла ночью посещали кошмары. Сны, в которых Чарли Сильверманна каждый раз сбивал один и тот же автомобиль с пьяным водителем за рулем. Постоянно в этих снах запыленный бампер автомобиля сбивал Чарли, скользили по асфальту ноги в ковбойских сапожках. Рассыпалось вдребезги лобовое стекло, а голова Чарли разламывалась, как грецкий орех.

Пьяный водитель, владелец местной кондитерской лавки, чуть сам не умер от сердечного приступа в полицейском участке. Причиной тому, может быть, был вид мозгов Чарли Сильверманна, которые так и присохли к его штанам, как весенняя грязь. Дело в суде было выиграно. Адвокат пьяного водителя напирал на то обстоятельство, что, мол, его подзащитный и без того уже наказан. Пьяница был приговорен к шестидесятидневному заключению с лишением водительских прав в течение пяти лет в штате Коннектикут. Как раз все это время Билла и не покидали кошмары, которые повторялись каждую ночь.

Билл даже не заметил, Сто обезьянка исчезла с его полки... а, может быть, заметил, да виду не подал? Во всяком случае, она уже надежно была запрятана в самом отдаленном углу кладовки.

Хал какое-то время чувствовал себя в полной безопасности. Он даже начал забывать о существовании обезьянки и начал верить, что это все было сном, кошмаром. Но когда он вернулся из школы в день и час смерти своей матери, ОНА снова мирно покоилась на его полке и улыбалась ему сверху. Тарелочки по-прежнему были зажаты в ее лапках.

Он медленно приблизился к НЕЙ, и ему показалось, будто в данный момент он смотрит на себя со стороны, будто его собственное тело неподвластно ему, будто оно само превратилось в заводную игрушку при одном только виде обезьянки. Он с любопытством наблюдал за собой, как его рука потянулась к обезьянке, взяла ЕЕ и сняла с полки. Снова он ощутил в руке этот бархатистый, похожий на пленку материал, но только сейчас он испытывал гораздо меньше отвращения, как будто его предварительно накачали наркотиками, и все чувства его притупились. Он даже слышал собственное дыхание: частое и прерывистое. Так ветер шуршит в стоге сена.

Хал повернул игрушку и схватился за ключик.

Много лет спустя, вспоминая происходящее, все его тогдашние действия будут напоминать ему какой-то вестерн: человек заряжает шестизарядный револьвер, прицеливается и нажимает на спусковой крючок.

— Не надо, оставь ЕЕ, брось ЕЕ, не касайся, — пронеслось в голове.

Он повернул ключик и ясно услышал в тишине, как скрипнула пружина. Когда Хал отпустил ключ, обезьянка тут же начала бить в свои тарелочки. Она затряслась в его руке, как живая. И, ОНА, действительно, была живой, и рукой он ощущал не действие механизма, а биение ее собственного сердца.

С воплем Хал бросил обезьянку на пол. Его самого отбросило в сторону, как взрывной волной. Сжимая крепко обеими руками рот, на секунду он оказался в полной тьме: ногтями Хал чуть не выколол себе глаза. Споткнувшись обо что-то, Хал почти упал, но вовремя выпрямился. Его передернуло от мысли, что он мог оказаться на полу рядом с этой ШТУКОЙ. ЕЕ стеклянные ничего не выражающие глаза, казалось, так и смотрят, тапку и притягивают его к себе. Хал бросился к двери, захлопнул ее за собой. Потом в ванную. Его начало выворачивать наизнанку.

Мисс Стукей сообщила им о смерти матери. Она работала с ней на одном заводе. Первые две бессонные ночи мисс Стукей провела вместе с ними, пока тетя Ида не забрала их с собой. Смерть матери наступила мгновенно. Миссис Шелбурн умерла от инсульта. В полдень. Когда обезьянка заиграла на своих тарелочках. В этот момент с картонным стаканчиком в руках она стояла у охладителя воды и вдруг упала как будто скошенная снайперской пулей, стаканчик так и остался в ее руке. При падении другой рукой она схватилась за охладитель и опрокинула всю цистерну на себя. Стекло разбилось. Осколки валялись повсюду, они впились в ее тело. Но они уже не причинили ей ни боли, ни страдания. Миссис Шелбурн была мертва до того, как вода просочилась сквозь ее новое платье. Так сказал доктор, который тут же подоспел на место происшествия.

Мальчикам, конечно, ни о чем таком не рассказывали, но Хал обо всем этом знал в мельчайших подробностях. Да и как не знать? Он постоянно видел эту сцену в своих самых страшных снах.

— Брат, ты маму во сне видишь? — спросил как-то Билл. Хал молча кивнул головой. Он знал, что Билл думает. Причиной его кошмаров была, действительно, смерть матери. Но это была только полуправда. Хала не покидало сознание вины, нет, скорее, точное знание того, что это именно он убил свою мать, повернув маленький ключик на спине обезьянки в тот незабываемый солнечный полдень, когда было так приятно после школы побыть одному в пустом доме.

* * *

Под утро Хал, наконец, заснул, и его сон был глубоким. Проснулся он ближе к полудню. Петти устроился на стуле в другом углу комнаты. Он смотрел телевизор и ел дону конфету за другой.

Хал выпростал ноги из под одеяла. Он чувствовал себя так, будто ему сначала дали сильную дозу снотворного, а затем насильно разбудили. Голова буквально раскалывалась.

— Где мама, Петти?

— Она с Деннисом в магазин пошла. А я сказал, что лучше с тобой останусь. Папа, а ты всегда во сне говоришь?

Хал подозрительно посмотрел на сына: «Нет А что я такого говорил?»

— Точно не могу сказать. Ты меня очень напугал.

— Как видишь, я сейчас в здравом уме, — и Хал заставил себя улыбнуться. Петти улыбнулся в ответ. И Хала буквально захлестнуло чувство бесхитростной сильной любви к сыну. Почему его так тянуло к Петти? Скорее всего потому, что они понимали друг друга с полуслова. С Деннисом — другое дело. Общаться с ним — это все равно, что смотреть сквозь затемненное стекло. Напрасно. Все равно ничего не разберешь. Сам Хал никогда таким не был. Можно было бы объяснить все тем, что на Денниса очень сильно повлиял переезд из Калифорнии, или...

Его как током ударило. Обезьянка. Она сидела на подоконнике и по-прежнему держала в своих лапках тарелочки. Острая боль пронзила грудь. Сердце на секунду остановилось, потом забило вновь с такой силой, что, казалось, готово было вырваться из груди. Круги пошли перед глазами. Нестерпимо болела голова.

— Думал, что избавился от меня? Но ты уже ошибся однажды, так ведь?

— Да, — отозвалось в нем.

— Петти, это ты достал обезьянку из моего дипломата? — спросил он, хотя ответ уже знал заранее. Он сам закрыл дипломат на ключ и положил этот ключ в карман плаща. Петти тоже пристально смотрел на обезьянку. Халу показалось, что на лице сына отразилось какое-то беспокойство.

— Нет. Я ЕЕ не брал. Мама положила ее сюда.

— Мама?

— Да. Она взяла ее у тебя. Она очень смеялась.

— Взяла у меня? О чем ты говоришь?

— Ты спал с ней, папа. Я в этот момент чистил зубы, а Деннис все видел. Он тоже над тобой смеялся. Он еще сказал, что ты похож на малыша, который не может заснуть без своей любимой игрушки.

Хал еще раз взглянул на обезьянку. У него пересохло во рту. Как она могла очутиться у него в постели? ОНА касалась своей шерсткой его щеки, рта. Стеклянными глазами ОНА смотрела на его спящее лицо. Зубы у самой его шеи...

Он пошел в ванную комнату. Дипломат по-прежнему здесь. Замок надежно закрыт, а ключ — в кармане плаща.

Раздался щелчок — это Петти включил телевизор на полную громкость. Хал медленно вышел из ванной. Петти пристально смотрел на отца и, казалось, ему есть, что сказать.

— Папа, — неожиданно прошептал он. — Мне не нравится эта обезьянка.

— Мне тоже.

Петти посмотрел на отца, пытаясь угадать, шутит он или нет. Он подошел к отцу и прижался к нему всем телом. Хал почувствовал, как дрожит его сын.

Быстро, быстро, как бы боясь, что ему не хватит смелости сказать все сразу, Петти начал шептать что-то Халу в самое ухо. Постепенно Хал начал разбирать смысл сказанного.

— ... ОНА все смотрит, смотрит на тебя... а если ты в другой комнате, то она смотрит на тебя сквозь стену. ОНА чего-то хочет от меня, папа.

Петти вновь задрожал всем телом, и Хал крепче прижал его к себе.

— ОНА хочет, чтобы ты ее завел, да, сынок? — подсказал ему Хал.

Петти кивнул головой.

— ОНА ведь настоящая, да, папа?

— Как знать, сынок, как знать, — сказал Хал и взглянул через плечо сына на обезьянку.

— Я все хотел подойти и завести ЕЕ. Но я думал, что могу разбудить тебя. А мне так хотелось ЕЕ завести... Я даже коснулся ключика. И, знаешь, папа, мне было и приятно, и противно. Разве так бывает?

— Бывает.

— А ОНА все как будто говорила мне: «Заведи, заведи меня, Петти. Мы поиграем с тобой — вот и все. Не бойся, твой папа не заругает тебя. Он даже не проснется, он уже

никогда не проснется. Заведи меня, Петти... заведи.» Это очень плохо, плохо. Давай выбросим ЕЕ, папа! Пожалуйста! Давай ее выбросим.

Петти плакал, и слезы его просочились сквозь отцовскую рубашку. Обезьянка улыбалась Халу своей зубастой улыбкой через плечо сына. Полуденное солнце ослепительно сверкнуло в ее медных тарелочках и, отразившись, как от зеркальной поверхности, заиграло солнечным зайчиком на белоснежном потолке мотеля.

— Когда вернутся мама и Деннис?

— Около часа, — Петти вытер свои красные от слез глаза рукавом рубашки. Ему самому было стыдно за свои слезы. Петти боялся обернуться — там была обезьянка.

— Я специально включил телевизор погромче, чтоб он не слышала нас.

«Интересно, что произошло, если бы Петти все-таки завел ЕЕ? — думал Хал. — Сердечный приступ? Инсульт, как у матери? Или что-то еще? Господи, реально ли все это? Не схожу ли я с ума?» и вслед за этим последовала цепь таких ассоциаций, чувств и мыслей, что Хал понял, что он, действительно, сходит с ума. «Петти сказал, что надо ЕЕ выбросить. Но можно ли вообще от НЕЕ избавиться? Хоть когда-нибудь.»

Обезьянка издевательски ухмылялась ему. ОНА сжимала свои тарелочки, и между ними было расстояние только в один фут

«Ожила ли ОНА в ночь, когда умерла тетя Ида?» пришла ему в голову неожиданная мысль, и «ветер в это время в печной трубе, и это было все, что слышала тетя Ида перед смертью.» — ясно представилась ему картина той ночи.

— Может быть, у нас все-таки есть шанс? — проговорил Хал вслух.

— Ну-ка, принеси мне дорожную сумку, — обратился он к сыну.

Петти с сомнением посмотрел на отца: «А что мы будем делать?»

«Может быть, все-таки можно от НЕЕ избавиться. Навсегда. Или на время. А если на время, то как долго продлится ЕЕ отсутствие? Может быть, это ЕЕ свойство каждый раз находиться и возвращаться. Но, может быть, я, нет, мы, скажем сейчас, „прощай“, и ОНА еще очень долго не появится здесь. Ведь понадобилось ей целых двадцать лет, чтобы вылезти из колодца...»

— А? Что ты сказал? Что мы будем делать?.. Отправимся в небольшое путешествие, Петти, в небольшое путешествие, — и он немного успокоился от этой мысли, хотя почувствовал, что у него поднялось давление, и кровь прилила к голове.

— Но вначале я хочу, чтобы ты принес свою дорожную сумку и вместе с ней отправился бы к стоянке автомашин. Найдешь там три увесистых камня и тащи их сюда, понял?

— Хорошо, папа.

Хал взглянул на часы. Было пятнадцать минут первого.

— Поторопись. Я хочу успеть до того, как вернутся наши.

— А куда мы поедем?

— К дому, где жили дядя Вилли и тетя Ида...

* * *

Тем временем Хал пошел в ванную комнату, заглянул за унитаз и вытащил оттуда веник. Потом он подошел к окну. Держа веник в руках как магический символ, охраняющий его сына и его самого от всех реальных и вымышленных бед, Хал стоял и смотрел на улицу. Он видел, как Петти перебегает через двор к автомобильной стоянке. На голубом фоне его дорожной сумки красовалась надпись «Дельта», написанная большими белыми буквами. Муха назойливо жужжала в верхнем углу окна, пытаясь вырваться наружу. Глупое и бессмысленное занятие. Это почти то же самое, что избавиться от этой обезьянки.

Хал видел, как Петти подобрал три увесистых камня и поспешил назад к дому. Машина появилась из-за угла мотеля. Она двигалась быстро, слишком быстро. Еще не осознавая, в чем дело, Хал инстинктивно кинулся вправо, рука, в которой был зажат веник, пошла вниз. Короткое точное движение, как удар в карате — и рука вовремя оказалась между двух тарелочек. Обезьянка готова уже была ударить в них, но медные пластинки беззвучно коснулись руки Хала. И он почувствовал что-то вроде ненависти, направленной на него самого. ОНА ненавидела его, ненавидела за то, что он впервые помешал ей сделать свое дело.

Раздался скрип тормозов. Петти отбросило назад. Водитель обругал его, как будто мальчишка был в чем-то виноват, а Петти как ни в чем ни бывало кинулся к мотелю.

Хал весь покрылся потом. Он чувствовал, что лоб его был мокрым, словно он попал под ливень. Рука начала неметь, зажата, как в тисках, между двумя пластинками. «Давай, — думал он, — давай. Я готов ждать весь день. До тех пор, пока черти в аду не передохнут, если уж на то пошло.»

Тарелочки медленно раздвинулись и вернулись в свое прежнее положение. Хал услышал только, что что-то хрустнуло внутри обезьянки. Хал посмотрел на руку и на веник. Веник почернел в том месте, где его коснулись тарелочки, как будто это место обожгли чем.

Муха продолжала все жужжать и биться о стекло, пытаясь вырваться из комнаты к холодному октябрьскому солнцу, которое казалось таким близким.

Петти буквально влетел в комнату. Он тяжело дышал, щеки порозовели: «Я нашел сразу три камня. Пап, я еще, — вдруг он прервался, — пап, что с тобой?»

— Все в порядке. Давай сумку.

Хал подцепил ногой столик, стоящий у софы, и придвинул его вплотную к подоконнику. И затем положил на стол сумку. Он открыл ее, как будто раздвинул губы чьего-то огромного рта. Хал видел, как в глубине сумки чернеют три здоровых камня. Брезгливо, веником Хал смел обезьянку с подоконника, и та упала прямо в сумку. Раздался слабый звон, одна из тарелочек ударила о камень.

— Папа? Папа? — в испуге закричал Петти. Хал посмотрел на него. Что-то случилось? Но что? Хал посмотрел в ту сторону, куда был обращен взгляд Петти. И ему все стало ясно. Назойливое жужжание прекратилось. Она лежала, задрав лапки вверх, на подоконнике.

— Это ОНА сделала это? — прошептал растерянно Петти.

— Пошли. Дорогой все узнаешь, — и Хал закрыл сумку на «молнию».

— Но у нас нет автомобиля, папа. Ведь мама с Деннисом уехали на нем за покупками.

— А вот это уже не твоя печаль, — сказал Хал и потрепал сына по голове.

* * *

Хал показал клерку свои водительские права, добавил к ним двадцать долларов и, как дополнительную плату, наручные часы. Взамен он получил ключи от собственной машины клерка. Когда они уже ехали на восток в сторону Каско по шоссе 302, Хал начал рассказывать свою историю. Сначала спокойно, а потом все больше и больше волнуясь. Он начал с того, что, обезьянку, скорее всего, привез его отец из какого-нибудь далекого плавания. По-началу в этой игрушке не было ничего особенного. Существуют сотни тысяч всякого рода заводных обезьянок. Некоторые из них сделаны в Гонконге, некоторые — в Тайване, некоторые — в Корее. Но именно с этой игрушкой произошло что-то неладное. **Скорее всего, это произошло с НЕЙ в темной кладовке в их родном доме.** «Я вообще считаю, — сказал Хал, пытаясь выжать из машины хотя бы семьдесят миль в час, — что **ЗЛО окружает нас повсюду, только оно не всегда дает о себе знать. Чаще всего оно срывается до поры, до времени, а потом совершенно неожиданно дает о себе знать с такой силой, что ты уже не в состоянии что-либо сделать**». Он не стал развивать эту мысль дальше, так как почувствовал, что Петти уже на пределе, но мысль эта помимо его воли сама начала развиваться в этом в том же направлении. Он думал, что само понятие ЗЛА чем-то напоминает ему обезьянку, его детскую заводную игрушку. Ведь никто не заставляет тебя делать то, что ты делаешь. Ты сам решаешь завести эту обезьянку: механизм начинает работать, одна шестеренка зацепляется за другую — и начинают звякать тарелочки, а глупые стеклянные глаза как будто смеются над тобой.

* * *

За домом тети Иды и дяди Вилли был старый сарай, где хранилась рыбацья лодка и снасти. Сюда-то и направились Хал и Петти. В правой руке у Хала была сумка с обезьянкой, и, казалось, что с каждым шагом она становилась все тяжелее. У Хала пересохло в горле, заложило уши.

— Не касайся ее, — сказал он сыну, ставя сумку на землю. В кармане Хал нащупал связку ключей, которую передал ему недавно Билл. Ключ от сарая был специально помечен.

Хал повернул ключ в замке и открыл настежь дверь в сарае. Деревянным бруском он заложил ее так, чтобы она не закрылась сама собой от ветра. Первое, что почувствовал

Хал, вступив на порог, — это запах лета. Здесь по-прежнему пахло брезентом и деревом.

Рыбачья лодка все еще была здесь. Весла аккуратно сложены. Казалось, что только вчера ее поставили сюда и ушли по своим делам. Билл и Хал часто рыбачили с дядей Вилли, но всегда порознь. Лодка была слишком мала для троих. Краска от времени облезла, а, бывало, дядя Вилли каждую весну красил лодку в красный цвет. Мыс был затянут паутиной.

Хал подошел с кормы и начал толкать лодку наружу. Рыбалки с дядей Вилли были, пожалуй, самым лучшим воспоминанием детства. Отплывая на шестьдесят или семьдесят ярдов от берега, они спокойно дрейфовали, полностью подвластные воле капризного ветра. Дядя Вилли любил раздавить бутылочку- другую пивка. Иногда перепадало и Халу. Дядя Вилли при этом неизменно повторял: «Смотри, тетке не проговорись, а то опять начнется: „Ты детей спаиваешь, ты детей спаиваешь...”

Однажды Хал спросил: „А почему мы никогда не рыбачим на середине?”

— Хочешь попробовать?

Хал кивнул головой, и они очутились на самой середине озера. Под собой он увидел совершенно синюю воду, леску было видно всего лишь на несколько дюймов.

— Вот оно, самое глубокой место, — сказал дядя Вилли, крепко сжав пустую банку из-под пива. Та переломилась, как картонный стаканчик. Через секунду в руке у него оказалась еще одна, но на этот раз уже полная. — Здесь, пожалуй, сотня футов будет, хотя, кто проверит? Ведь никто и не мерил. Студебеккер Амоса Каллигана здесь утоп — что верно, то верно. Да Амос сам виноват: решил по льду проехать — это в декабре-то месяце... Ну, разве не дурак? Слава богу, что самому удалось спастись. Конечно, машину уже не достать. Разве что в день Страшного Суда она сама выплывет на поверхность. Да ты как же червя-то насаживаешь? Подцепляй, подцепляй его, сукина сына, получше...»

Пока сам дядя Вилли подцеплял червя на крючок, Хал все смотрел в воду, пытаясь увидеть старый Студебеккер. И вдруг ему представилась картина: Студебеккер, уже весь проржавевший от времени, был опутан водорослями. Ожерельем они обвивались вокруг руля, опутали все зеркальце шофера и то место в разбитом лобовом стекле кабины, через которое и выплыл в самый последний момент бедолага Амос Каллиган. Водоросли размеренно колыхались в воде, и все это напоминало какую-то странную фантастическую клумбу: слабое дуновение ветра — и головки цветов начинают клониться к земле.

Странное видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Перед Халом все по-прежнему была синяя толща воды, которая чем глубже — тем становилась темнее, а дальше — полные мрак и небытие.

«... Самое глубокое место во всем Кристальном озере... сотня футов будет...»

* * *

Хал остановился, чтобы перевести дух.

— Тебе помочь, папа?

— Сейчас, подожди.

Глубоко вздохнув, Хал снова налег на лодку и протащил ее по песку к воде, оставляя глубокий след. Краска облезла, но лодка все это время была под навесом и вроде бы хорошо сохранилась.

Когда Хал и дядя Вилли отправлялись вместе на рыбалку, то Халу доставалось самое легкое — оттолкнуть лодку от берега, когда она уже была в воде. «Давай, Хал, давай, дружок, — обычно говорил дядя, — отработывай свой хлеб.»

— Положи сначала сумку в лодку, а потом оттолкнешь меня от берега, — обратился Хал к сыну. А затем, немного помедлив, неожиданно улыбнулся и добавил: Давай, отработывай свой хлеб, сынок.

Но Петти было не до шуток.

— Я с тобой, папа?

— Не сейчас. В другой раз мы обязательно с тобой порыбачим, только не сейчас.

Петти колебался. Он не знал, что ему делать. Несколько желтых листьев сорвало с ветвей. Они пролетели прямо над головой Петти и спустились на воду. А потом плавали у самого берега, как маленькие рыбачьи лодочки.

— Ты должен перевязать их чем-нибудь,

— Что? — переспросил Хал, хотя и догадывался, о чем думает его сын.

— Ты должен обмотать тарелочки ватой, чтобы они... Чтобы они не звякнули.

— Нам нельзя терять ни минуты. Давай, толкай лодку. Живей!

Петти наклонился, корма пошла по песку. Хал уперся веслом в берег — и вдруг почувствовал, что его больше ничего не связывает с этой грешной землей... После стольких лет заключения в темном сарае лодка как будто вновь обрела свободу и теперь мирно покачивалась на волнах, готовая к любому плаванию. Хал установил весла в уключины и начал грести к середине озера.

— Будь осторожен, папа! — крикнул ему вслед Петти.

— Я ненадолго, — пообещал ему отец, и Хал вновь посмотрел на дорожную сумку, покоившуюся на дне лодки.

Он приналег на весла и ощутил знакомую боль в спине, между лопаток. Берег стремительно удалялся от него. И это было похоже на путешествие во времени. Петти стоял на берегу, прикрыв ладонью глаза от солнца, и, казалось, что сейчас его сыну восемь лет, ерез несколько мгновений — шесть, четыре.

Хал искал середину озера по определенным ориентирам на берегу, но за пятнадцать лет здесь все так изменилось, что возникла опасность вообще потеряться на этих бескрайних просторах. Солнце жгло ему спину. Он покрылся потом. Он снова взглянул на сумку и неожиданно сбился с налаженного ритма. Ему показалось, что там зашевелилось что-то. Хал стал грести еще сильнее.

Поднялся ветер. И теперь уже стало по-настоящему холодно. Лодку качало из стороны в сторону. Казалось, ветер усиливался с каждой минутой. Петти что-то кричал ему с берега. Да, конечно, он что-то кричал. Из-за ветра Хал не мог разобрать слов. Да это и не важно. Главное — избавиться от обезьянки. Пусть еще на двадцать лет, а может быть, Господь приберет Ее навечно?..

Лодку качало на волнах, и качка становилась все сильнее. Он же взглянул налево и увидел, что озеро сплошь покрыто белыми барашками. На берегу он различил какие-то развалины, это бывший дом и сарай Бурдонсов — значит, он плыл правильно, и сейчас он находится как раз на том самом месте, где упал под лед знаменитый Студебеккер Амоса Каллигана. Это и было самым глубоким местом на всем Кристальном озере.

Петти продолжал кричать изо всех сил, кричать и указывать на что-то рукой. А Хал все по-прежнему не мог понять, в чем дело? Лодку качало из стороны в сторону все сильнее и сильнее. Свет и тени ходили по поверхности воды. Небо неожиданно заволочло тучами. Начинался настоящий шторм, и белые барашки уже не казались столь безобидными. Хала начало трясти в ознобе. Он был весь мокрый от брызг. Хал греб, как сумасшедший. Он бросал взгляд то на берег, то на сумку на дне лодки. Лодку вновь подняло на волне и на этот раз так высоко, что даже весло повисло в воздухе.

Петти указывал халу, чтобы он посмотрел на небо. Его крик перешел в истерику.

Хал посмотрел через плечо в ту сторону, что указывал ему сын. Шторм усилился. Огромная тень накрыла водную гладь и двигалась по направлению к лодке. Очертания этой тени были узнаваемы настолько, что от неожиданного возникновения догадки Хал чуть было не закричал от испуга.

Туча закрыла солнце. И как только она поглотила весь свет, Хал услышал знакомое звяканье тарелочек. Обезьянка ожива: «Теперь твоя очередь, Хал, твоя. Наконец-то ты попался. Ты попался, Хал».

Хал вынул весла из воды, наклонился и поднял сумку. Обезьянка делала свое дело и от этого казалось, что края сумки раздулись как кузнечные меха.

— Здесь! Сукина дочь! — закричал в исступлении хал. — Здесь!

И он выбросил сумку за борт.

От тяжести она сразу же пошла ко дну. Еще секунду хал мог видеть ее, как она тонет, мог слышать, как звякают друг о друга медные тарелочки. И вдруг непроницаемая плотность воды озарилась ярким светом. И перед ним разверзлась бездна, и на самой глубине ее он мог ясно видеть старый Студебеккер Амоса Каллигана, и труп его собственной матери лежал в кабине, а рядом с ней — тетя Иды и дядя Вилли. И в воде седая прядь волос тети Иды совершенно растрепалась, и, чем глубже погружалась сумка, тем больше и больше, как под сильным порывом ветра, развеивались в воде ее седые волосы.

Хал вновь опустил весла в воду и несмотря на кровавые мозоли начал грести к берегу.

«Господи, а что же в кузове этого Студебеккера? — пришла ему неожиданная мысль. — Он, наверное, весь полон детьми: Чарли Сильверманн, Джонни Маккаб...»

Звук, похожий на пистолетный выстрел, раздался у него под ногами, и в лодку сразу же начала поступать вода. Лодка была старой. Обшивка не выдержала, но дырка, слава богу, была еще маленькая. Но этой дырки не было, когда он когда он спускал лодку на воду. Он мог поклясться в этом.

И вновь раздался треск. Еще одна дыра образовалась в днище. Вода просочилась сквозь обувь. Гвозди вылетели сами собой, освободив от крепления уключину весла. Ветер дул ему в спину и, казалось, нарочно подталкивал его назад к середине озера. И несмотря на охватившее его отчаяние в глубине души он испытывал какую-то несказанную радость. В нем родилось предчувствие, что обезьянка на этот раз покинула их навсегда. Он знал это. И, чтобы с ним не случилось в сейчас, обезьянка уже никогда не отравит жизнь его детей, Денниса и Петти. ОНА ушла, ушла навсегда. Может быть, ОНА сейчас покоится на крыше кабины того самого Студебеккера, на самом дне Кристального озера? ОНА ушла и больше никогда не вернется.

Хал продолжал грести. Снова раздался треск. Банка для наживки, которая лежала на дне лодки, плавала в луже глубиной в три дюйма. Брызги полетели Халу в лицо. Раздался еще один треск — и лавка на носу лодки развалилась пополам. Обломки ее плавали в той же луже. Слева и справа по вертикали появились большие трещины. Хал продолжал грести, грести на последнем дыхании.

Теперь трещина появилась в самом днище лодки. Зигзагом она прошла между ног Хала и до самого мыса. Вода уже была по щиколотку, потом — по голень. Он продолжал грести, боясь посмотреть на берег, который мог быть так еще далеко.

Треск — и вода неудержимо хлынула в лодку. Хал потерял одно весло, но продолжал грести.

Скамейка под ним развалилась пополам, и он оказался в воде. Лодка еще каким-то чудом держалась на плаву. Хал попытался встать на колени, и его охватила отчаянная мысль: «Петти не должен видеть этого. Он не должен видеть, как на его глазах тонет его собственный отец.» «Ты должен плыть, — повторял он себе, — хоть по-собачьи, но плыть.»

Раздался еще один треск, похожий скорее на взрыв, и Хал очутился в воде, и он поплыл, поплыл так, как он не плавал никогда в своей жизни... А берег, оказывается, был до смешного рядом. Через минуту Хал уже коснулся ногами дна и стоял по пояс в воде. Отсюда было не более пяти ярдов до суши.

Петти радостно бежал ему навстречу, простирая вперед руки, крича от радости и плача одновременно. Хал, барахтаясь, побежал к сыну. Петти было уже по грудь, и он тоже стал яростно бить руками по воде, чтобы как можно скорее обнять своего отца, прижаться к нему, убедиться, что он жив.

Хал, тяжело дыша, нежно взял сына на руки и вынес его из воды, на берег, и оба рухнули на землю и долго не могли отдышаться.

— Папа, ЕЕ нет? Да, папа?

— Я думаю, что ЕЕ больше уже никогда не будет.

— Лодка развалилась. Ты знаешь, она развалилась вокруг тебя, как скорлупа ореха.

Хал смотрел на обломки, которые плавали в воде в сорока футах от берега. Они не имели ничего общего с той крепко сколоченной рыбацкой лодкой, которую он совсем недавно спустил на воду.

Все в порядке, малыш. Все в порядке, — сказал Хал и, упершись локтями в песок, задрал голову кверху и закрыл глаза, подставляя свое лицо холодному октябрьскому солнцу.

— Ты видел тучу? — прошептал Петти.

— Ее больше нет и, кажется, никогда и не было. Разве ты не видишь?

Отец и сын долго смотрели на чистое голубое небо.

Хал притянул к себе Петти и обнял его:

— Пойди в дом, там должны быть полотенца. — Потом отец помолчал немного и добавил. — Это было неосмотрительно с вашей стороны, сэр, так необдуманно бросаться в холодную воду.

Петти с восхищением смотрел на отца: «Папа, ты самый смелый.»

— Смелый? — эта мысль никогда не приходила Халу в голову. Был только страх, страх, который подавлял все другие чувства.

— Поторопись, Петти, у нас мало времени.

— А что мы скажем маме?

Хал улыбнулся.

— А черт его знает. Что-нибудь да скажем.

Он снова помолчал, смотря на обломки, плавающие у берега. Озеро вновь успокоилось, оно сейчас искрилось и играло на солнце. И вдруг ему ясно представилась картина, что теплым летним днем какой-нибудь другой отец со своим сыном будут рыбачить в этих местах и сынишка подцепит ЕЕ и вытащит из глубины наружу. Она будет вся опутана водорослями, а медные тарелочки будут по-прежнему крепко зажаты в ее маленьких пушистых лапках.

Хала передернуло от этой мысли. В конце концов это всего лишь его фантазия, а случится ли подобное на самом деле, никто не знает.

«Пошли», — сказал он снова Петти, и отец с сыном побрели по тропинке к дому через октябрьский лес, и листья, казалось, так и горели на солнце.

* * *

Заметка Бетси Мориарти в местной «Бридгтон ньюс» от 24 октября 1980 года.

«Тайна мертвой рыбы»

«В течение последней недели сотни мертвых рыб, плавающих брюхом вверх, были найдены в так называемом Кристальном озере недалеко от города Каско. Никто не может дать правильных объяснений. Мертвая рыба включает в себя все сорта известных в этом водоеме рыб: карп, щука, окунь и т. д. Власти, отвечающие за сохранение дичи и рыбы в этих местах, утверждают, что они буквально обескуражены этим странным явлением.»